

КОЛЫМСК — ГИЖИГА

Доклад начальника Экспедиции Н.М. Берёзкина о путях сообщения Колымского края и об изысканиях пути Ср.-Колымск-Гижига.

Прочитан 19 декабря 1911 г. на соединённом заседании Якутского Областного Статистического Комитета и Якутского Отдела Общества изучения Сибири.

ЯКУТСК 1912

Колымский край, замкнутый с севера Ледовитым океаном, а с остальных трёх сторон — громадными пустынными пространствами, совершенно изолирован, как от административных, так и промышленных центров и, так сказать, предоставлен в своём развитии самому себе. Я боюсь обременить настоящее собрание сообщением всех подробностей экономической жизни населения Колымской окраины и считаю необходимым заметить лишь, что экономический уровень этого края за последние десятки лет постепенно понижался, что с именем его, к пригорю, связаны представления, не только о полнейшем застое жизни, но ещё больше того, представление как о крае, систематически пополняющем печальные списки местностей голодающих.

Изверившиеся в своём будущем колымчане, мрачные в своей беспросветной жизни, настроены вообще пессимистически и продолжают коротать свои дни, ничего особенного от них не ожидая и ни на что особенно не рассчитывая. Верит колымчанин только лишь в свою кормилицу Колыму; от неё же он ждёт всех благ, на ней он строит всё своё благополучие. Короче говоря, жизнь колымчанина можно резюмировать в двух словах: наловил колымчанин рыбу — он сыт, не наловил, — он попадает в разряд голодающих.

Изверившиеся в своём будущем колымчане, мрачные в своей беспросветной жизни, настроены вообще пессимистически и продолжают ко-

ротать свои дни, ничего особенного от них не ожидая и ни на что особенно не рассчитывая. Верит колымчанин только лишь в свою кормилицу Колыму; от неё же он ждёт всех благ, на ней он строит всё своё благополучие. Короче говоря, жизнь колымчанина можно резюмировать в двух словах: наловил колымчанин рыбу — он сыт, не наловил, — он попадает в разряд голодающих.

Между тем, мнения лиц администрации и других, производивших неоднократные обследования жизни Колымского края, единогласно признают будущее его отнюдь не безнадёжным. Мнения эти также совершенно солидарны и в том, что основным, кардинальным вопросом Колымской жизни является вопрос об изыскании новых, удобных путей сообщения. Я лично, в качестве колымчанина, выражаю своё глубочайшее убеждение, что от благополучного разрешения этого главнейшего вопроса, в связи с принятием к поднятю экономического уровня Колымского края целого ряда других мер, зависит всё его будущее благополучие, которое вполне возможно и которое, — я глубоко уверен, — наступит.

Переходя к предмету моего доклада, я позволю себе в кратких словах коснуться истории развития путей сообщения Колымской окраины. Сыздавна действующим официальным почтовым и гужевым трактом является тракт Якутско-Колымский. Известный своими «бадаранами»¹, наледями, громадными переездами до 300 вёрст и памятным всем проезжавшим перевалом через Верхоянский хребет, тракт этот питал Колымский край всеми продуктами ввоза. Он же прославился и кажущимися в наши дни невероятными ценами за провоз пуда клади до 10-12 руб. Правда, что цены эти, с появлением других конкурирующих путей, отошли теперь в область преданий, Верхоянский хребет обойдён другим вариантом, открыты два года тому назад, после проезда г. Начальника области, одиннадцать новых станций, избавивших путников от переездов в сотни вёрст, правда и то, что путь вообще улучшен, допуская возможность установившейся за последние годы срочной отправки зимою из Якутска и Колымска почти по 2 раза в месяца, — но тем не менее тракт этот, как гужевой, чрезвычайно тяжёл и неудобен, занимая протяжение в 2315 вёрст. Указанную выше баснословно высокую провоз-

¹ Болота, грязи.

ную плату за пуд клади, несмотря на конкуренцию других путей, удалось понизить лишь до шести рублей, и на дальнейшее понижение, конечно, рассчитывать не приходится. В результате, колымчанин, получая кладь по этому пути, может иметь пуд муки стоимостью до 8-ми руб. По этому примеру можно судить — во что обходятся в Колымске и другие припасы.

Здесь же я должен заметить, что наряду с Якутско-Колымским трактом, действовал когда-то гужевой путь из Якутска через Оймякон и Верхне-Колымск. Путь этот ещё более тяжёл и совершенно неудобен. В этом я имел случай убедиться лично в 1901 году, проездом с верховьев Колымы через Оймякон в Якутск. К тому же путь из Якутска через Верхне-Колымск является, при общем протяжении свыше 2500 в., путём смешанным, так как из Верхне-Колымска грузы сплавлялись в Средне-Колымск на плотах.

Громадное протяжение того и другого тракта и чрезмерная дороговизна доставки по ним грузов очень давно выдвинули на первый план заботы о том, чтобы пробиться с реки Колымы к побережью Великого океана. Мечта пробить это заветное «окно» к океану, то робкими, то решительными шагами проводилась в жизнь края административными лицами и людьми коммерческими в течении последних десятков лет.

К числу мер, предпринимавшихся в этом направлении, относятся попытки бывших Колымских Исправников Варавы и Карзина пройти в Гижигу из Верхне-Колымской части округа, с тем, очевидно, чтобы отсюда сплавлять грузы уже по Колыме. Попытки эти окончились на первый раз неудачей. Исправник Карзин, по-видимому, один из более настойчивых поклонников движения на Гижигу, повторил свою попытку в 1893 г, совместно с быв. Старшим Советником Областного Управления Д.И. Меликовым. Экспедиция эта направилась точно также из Верхне-Колымской части Колымского округа, вышла на побережье океана в верстах 300 южнее Гижиги и затем вернулась в Колымск уже по так называемой «Чукотской» дороге. Самое название последней свидетельствует о том, что проложена она первоначально чукчами, которые и явились проводниками экспедиции из Гижиги. По карте, составленной по заметкам Д.И. Маликова, протяжение этого пути определяется до 1250 вёрст. Эта Чукотская дорога или, как она была после обследования

названа, «дорога Генерала Скрипицына» представляет собою сравнительно кружной за Омолочский путь. Несмотря на значительное сравнительно протяжение этого волока, путь этот довольно успешно функционировал в 1895, 1897 и 1898 г.г., когда гижигинские купцы Молодых, Флетчер и колымский купец Бережнов доставили в Средне-Колымск товары. Официальные данные свидетельствуют о том, что грузы были перевезены чукчами, кочевавшими по правую сторону р. Омолона, всего лишь по 2 руб. с пуда. Благодаря такой низкой плате, товары были распроданы гижигинскими купцами очень дешёво, но, однако, тем не менее Гижигинский путь оказался недолговечным, и доставка по нему грузов вскоре же прекратилась. Насколько известно, одною из главных причин, вызвавших такой оборот дела, явилось отсутствие надёжных подрядчиков; чукчи же оказались подрядчиками далеко в договорах неустойчивыми.

Весьма возможно, что путь этот продолжал бы функционировать, при условии привлечения к перевозке грузов иных подрядчиков, но на смену его явился другой конкурент — это Ольско-Колымский путь. Доставка грузов по этому пути смешанная: от села Ольского до местечка Сеймчан на р. Колыме, на протяжении 650 вёрст, грузы перевозятся сухопутно, а от Сеймчана — сплавом по р. Колыме на паузках: расстояние от Сеймчана до Средне-Колымска определяется в 1500 вёрст. Таким образом, общее протяжение пути достигает 2150 в. Стоимость доставки по этому пути пуда тяжести обходится в 4 р. 65 к. (3 р. — волок, 1 р. 20 к. — сплав и 45 к. — фрахт от Владивостока до Олы).

Путь этот до последнего времени питал Колымский край, как припасами казённого заготовления, так и товарами, ввозимыми частными лицами. Весьма ценную заслугу Ольско-Колымского пути, как равно и пути Гижигинского, надо признать в понижении на упомянутом мною выше Якутско-Колымском пути провозной платы, хотя бы до 6 р. с пуда.

В одинаковой степени повлиял Ольско-Колымский путь и на уменьшение платы за провоз грузов по так называемому Булунскому пути: Якутск-Булун (на р. Лене) — сплавом на пароходе и гужем — Булун-Усть-Янск-Абый-Средне-Колымск; протяжение: сплавом — 1500 в. и сухопутно — 2000 в., а всего 3500 вёрст. Не смотря на огромное протяжение этого пути, провозная плата понижена до 4 р. 85 к., т.е. почти одинакова со стоимостью провоза пуда клади по Ольско-Колымскому пути.

При таком положении и в виду следовавших за последние годы одна за другою аварий с морскими пароходами, причинивших казне значительные убытки, — пришлось перенести с 1908 г. доставку казённых грузов с Ольского на Булунский тракт. Так обстояло до последнего времени дело по снабжению Колымского края казёнными и частными грузами.

Доложенные мною данные свидетельствуют, что, с постепенным развитием путей сообщения Колымского края, понизилась и провозная плата за доставку грузов, а, следовательно, удешевились и продукты ввоза, но я не могу не оговориться, что всё это приходится рассматривать лишь относительно прежних непомерно высоких цен. Констатируя сравнительную дешевизну провоза, мы тем не менее не должны забывать, что жизнь в Колымске по-прежнему тяжела, что цены на все продукты и припасы по-прежнему очень высоки (так, например, цена на хлеб не может быть дешевле 6 р. 50 к. — 7 р.) и что поэтому все меры, предпринимавшиеся до сих пор, к поднятию экономического уровня далёкой окраины и к оживлению путей сообщения, — являются всё-таки полумерами, не способными вывести край из настоящего его застоя.

Итак, до самого последнего времени вопрос о путях сообщения Колымского края продолжает волновать радеющих о благе его и интересующихся этим краем лиц. К счастью, эти же последние дни являются для колымчанина теми светлыми, пробуждающими его от вековой апатии и отчаяния, днями — когда, наконец, начинают уже на деле осуществляться когда-то робкие, заветные мечты о морском сообщении по побережью Ледовитого океана.

Имея в виду обратиться к результатам мер, предпринятых в этом направлении в текущем году и учесть значение этих последних дней, подготовляющих лучшую пору жизни Колымской окраины, я перехожу к докладу о Гижигинской экспедиции, но предварительно, в интересах полноты освещения рассматриваемого вопроса, я считаю необходимым сообщить краткие сведения о деятельности в деле изысканий путей сообщения Колымского края Г. И. Нордштерна. Г. Нордштерн — доверенный Сретенского купца И.Е. Шустова появился впервые на Колымском горизонте в 1908 г., совершив один полное лишений путешествие по Ольско-Колымскому пути. Затем зимою того же года г. Нордштерн пред-

принял смелую попытку пробраться из Средне-Колымска на Гижигу, отправившись в это рискованное путешествие зимою на оленях с одним лишь колымским якутом. Якут этот — Михаил Прокопьевич Слепцов принял, участие и в моей экспедиции. Попытка эта не только окончилась полною неудачею. — но чуть было не стоила жизни обоим изыскателям. Сбившись с намеченного пути и лишившись в суровую зимнюю пору всех оленей, Нордштерн и Слепцов были на краю гибели, но, попав, к счастью их, в район, изобиловавший куропатками, они просидели до весны — в течении 5 месяцев — на этом месте и затем сплыли по реке на плоту. Река эта оказалась Коркодоном — притоком Колымы. После этой неудачной попытки, г. Нордштерн сосредоточил своё внимание на изысканиях путей с побережья Великого океана на верховья Колымы, стремясь сократить сухопутный волок с океанского побережья на эту реку.

Преданный своему делу, опытный и отважный по натуре человек — Г.И. Нордштерн производил свои изыскания на средства купца Шустова, в течении двух последних лет непрерывно, наметив исходными пунктами селения Ямское, Тохтаямское, Иретское, Туманское и Товатомское. Ныне проездом из Гижиги я имел удовольствие познакомиться с г. Нордштерном в с. Тохтаямском, Здесь он любезно ознакомил меня с результатами своих изысканий, — причём оказалось, что, проследив в общем до 12-ти вариантов, г. Нордштерн остановился как на более удобном варианте — на пути, выходящем из сел. Тохтаямского и Иретского на приток р. Буюнды — Купкачан, с тем, чтобы отсюда сплавлять грузы на паузках по рекам Купкачану. Буюнде и Колыме. Протяжение волока г. Нордштерн определяет всего лишь в 400 в. Иными словами, Г.И. Нордштерн нашёл такой волок, который короче Ольского вёрст на 250, хотя, за счёт этого сокращения, удлинится сплав вёрст на 150, со включением в систему сплавных рек Буюнды и Купкачана, до сих пор в роли этой не применявшихся. Однако, по уверению г. Нордштерна, сплав грузов по этим рекам вполне безопасен, в чём он и имеет окончательно убедиться совершением пробного сплава.

При этих условиях, нельзя не признать путь г. Нордштерна более удобным и дешёвым, нежели путь Ольско-Колымский, — но горе в том, что пролегает этот путь по совершенно пустынной местности. Почти таковым же представляется и побережье океана в исходных пунктах пути;

селения Тохтаямское и Иретское состоять лишь из 4-5 экономически совершенно слабых хозяйств рыболовов, которые никакого деятельного участия в доставке грузов принять не могут. Что же касается тунгусов-оленеводов, то, несмотря на наличность значительных стад¹, тунгусы упорно не соглашаются принять участие в подрядах. Однако, надежда на согласие ещё не потеряна и в ожидании этого г. Нордштерн предполагает организовать доставку, хотя бы небольшого количества грузов, хозяйственным способом. При особенной настойчивости Г.И. Нордштерна и его совершенно бескорыстном служении интересам северной окраины, всё это возможно; возможно и оплатить доставку трёхрублёвою платою, — но нельзя не опасаться, что с передачею этого дела тому или другому подрядчику, прибывшему издалека, выгоды и преимущества этого пути, по сравнению с путём Ольско-Колымским, утратятся. Надо всё-таки надеяться, что г. Нордштерн, со свойственной ему настойчивостью, выйдет из этого затруднительного положения. Пользуясь случаем, я не могу не выразить здесь, в качестве колымчанина, моего особенного удовольствия по поводу неожиданного моего свидания с Г.И. Нордштерном на Охотском побережье и хотя бы заочно приветствовать его в настоящем собрании, как беззаветно преданного своему идейному служению на благо совершению чуждого ему края и в тиши суровых гор и тундры выполняющего свою тяжёлую чёрную работу.

Таким образом, своими изысканиями Г.И. Нордштерн вносит чрезвычайно ценный вклад, как в область оживления путей сообщения Колымского края, так и в область всестороннего изучения северо-восточного побережья Великого океана.

Гижигинская экспедиция, в состав которой вошли я и участковый механик Иркутского почтово-телеграфного округа Х.А. Цируль, была сформирована, по почину Его Превосходительства г. Якутского Губернатора И.И. Крафта и с утверждения Его Высокопревосходительства, Г. Главного Начальника края, в начале текущего года. Привлечение контингента рабочих и проводников в числе 3-4 человек, было предоставлено моему усмотрению.

Основными мотивами, вызвавшими эту экспедицию, явились главным образом те решительные меры, какие были предприняты в 1909 г.

¹ Например, тунгус Хабаров имеет до 7000 оленей.

и в последующие годы к осуществлению предположений о морском сообщении по побережью Ледовитого океана к устью р. Колымы через Берингов пролив. Посылка сначала экспедиции, под начальством геолога Толмачёва, поставившей своею задачею всестороннее изучение побережья океана, затем почти одновременное снаряжение экспедиции морского офицера Седова, командированного специально для изучения дельты и фарватера р. Колымы, с целью выяснения доступа к этой реке морских пароходов и, наконец, решение в положительном смысле вопроса о проведении телеграфа из Охотска через Гижигу на Петропавловск, — вполне предрешали возможность осуществления предположений о морском сообщении.

При таком положении нельзя было не предвидеть возможности скорого приобщения далёкого Колымского края к общей сети мировых морских сообщений. Полнейшая изолированность Колымского края от административных и торговых центров огромными пустынными пространствами и занимаемое им совершенно обособленное положение, в связи с представлявшеюся в будущем вполне вероятною доступностью территории не только для русских, но и для иностранцев, — выдвинули на очередь разрешение вопроса о приобщении Колымского края и к телеграфной сети, — причём исходным пунктом телеграфной ветки на Колымск представлялось местечко Гижига.

Засим, немаловажное значение при снаряжении экспедиции, имели и мотивы чисто экономического свойства — вне зависимости от исхода попыток к установлению морского сообщения. Отмеченный мною выше упадок экономической жизни Колымского края, наблюдавшееся за последние годы голодание его и неудачи по доставке грузов, как по Ольскому, так и по другим путям, — настоятельно требовали новых изысканий, для открытия удобного и дешёвого пути к побережью Великого океана. Таким направлением было намечено направление Средне-Колымск - Гижига.

Наконец, предполагавшееся установление морского сообщения, а вместе с ним и проведение телеграфной линии, вызывали, в целях обеспечения её, необходимость изысканий обывательского тракта, с устройством станций

В заключение нельзя было забывать и того, что морские рейсы по побережью Ледовитого океана могут подвергаться всевозможным случайностям, а потому функционирование наряду с ним Гижигинского и других путей, в качестве путей резервных, — весьма необходимо.

Вот главным образом те побудительные причины, которые вызвали снаряжение Гижигинской экспедиции.

Маршрут мой был рассчитан здесь, в Якутске на 6 месяцев, причём выбор пути возвращения моего из Гижиги был предоставлен моему усмотрению. Смотря по обстоятельствам дела, я мог вернуться или через Средне-Колымск, или через Охотск, или даже через Владивосток. Из Якутска я и механик Цируль выехали вдвоём 7-го марта, имея в виду привлечь остальных участников нашей экспедиции из среды местного населения. Путь до Средне-Колымска (2315 в.) был пройден нами в 16 суток и был обставлен всеми возможными удобствами. Поездка по Колымскому тракту весной вообще не только переносится легко, но и приятна. Весна на севере оживает необыкновенно быстро. В марте, апреле тёплые дни, ослепительно яркое солнце словно спешат как можно скорее вознаградить северного жителя за все невзгоды, причинённые ужасными морозами, тёмными короткими днями и пробудить его от зимней спячки. Великолепна эта тёплая весенняя пора, эти солнечные дни в очень живописных притрактовых Верхоянских горах.

Заботою моих первых дней, по прибытии в Колымск, было приискание участников экспедиции — рабочих и проводников В экспедицию нашу, скромную по своим задачам и располагавшую крайне ограниченными средствами, я имел ввиду, согласно сметы, привлечь лишь 4-х человек: одного казака и двух якутов — в качестве рабочих — конюхов и одного ламута, в качестве проводника. Первая из этих задач — о рабочих мною была разрешена быстро. Зная население Колымского края лично, я, ещё отправляясь из Якутска, был глубоко уверен, что наиболее надёжных во всех отношениях людей, как из среды Колымского казачества, так и из инородцев, я найду именно там — на моей родине. В этом, как оказалось, я действительно не ошибся. Рекомендованные мне в Средне-Колымске и согласившиеся после личных моих переговоров принять участие в экспедиции колымские казаки Семён Берёзкин, Николай Котельников, а также верхнеколымские якуты Михаил и Гавриил

Слепцовы оказали экспедиции неоценимые услуги. С казаком Котельниковым пришлось, к сожалению, вскоре расстаться — вернуть его в Колымск, — остальные же трое явились моими сотрудниками до самого последнего времени. Неоднократно испытанные в трудных поездках, необыкновенно практичные и смелые, названные спутники мои, при безукоризненных нравственных качествах, самоотверженно несли службу в экспедиции. При этом считаю долгом своим заявить, что пошли они в экспедицию, отнюдь не прельщённые вознаграждением, так как нельзя признать достаточным 25 рублёвое вознаграждение в месяц тем людям, которые, побросав свои семьи, свои промыслы, отправились в экспедицию на долгие месяцы. Пошли они исключительно во имя общего Колымского дела, во имя той пользы, какую население края ожидает от обследуемого пути. Характерен в этом отношении другой случай обращения местного исправника к одному из тех же верхнеколымских инородцев с просьбою принять участие в экспедиции. Узко заинтересованный лишь в денежном вознаграждении, инородец этот письменно заявил, что мог бы поступить на службу, в качестве рабочего, но, предвидя все трудности, согласен на это лишь при сторублёвом жалованьи в месяц, готовом содержании и с обязательством администрации, в случае смерти его. за время нахождения в экспедиции, доставить труп его в Верхне-Колымск.

Обеспечив экспедицию рабочими, могу смею сказать, теми лучшими людьми, каких только можно было найти в Колымске, — я одновременно принял меры к привлечению в экспедицию проводника. Предполагалось, что роль эту мог бы наиболее успешно выполнить ламут из числа тех, которые совершают ежегодные перекочёвки из Гижиги в Средне-Колымск и обратно. Задача эта оказалась чрезвычайно трудной. С одной стороны, я поставил главным условием движения своего на Гижигу — переход путём наиболее коротким, нежели прежняя «Чукотская дорога», каковой путь надо было изыскать нам, — а с другой стороны, на первых же порах выяснилось, что нет никакой надежды найти такого проводника, который мог бы провести нас. Розыски мои, направлявшиеся в окрестности Средне-Колымска, оказались безрезультатными. Удалось, впрочем, найти одного ламута, бывавшего в Гижиге, но он, несмотря на все мои просьбы, убеждения и обещания щедрого вознагра-

дения. — не согласился вести экспедицию, ссылаясь на незнание короткого пути на Гижигу, а, во-вторых, на нездоровье и беспомощное положение его семьи. Исчерпав все способы убеждения и, принимая во внимание, что заявление ламута о незнания нового короткого пути может быть вполне справедливо, так как ламуты в перекочевках своих заинтересованы главнее всего в промыслах, нежели в изыскании каких-либо коротких направлений, — я распрощался с ламутом. К этому меня побудило также известное отрицательное отношение бродячих инородцев ко всяким изысканиям путей, за которыми следует обычно вторжение в кочевья их нежелательного им элемента. Я знаю, например, что при изысканиях Ольско-Колымского пути, придорожные ламуты заклеямили именем изменника ламута Необутова, указавшего изыскателям новое направление. Поэтому, услуга ламута упорствующего могла иметь для нас последствия самые плачевные

При таком положении, мне предстояло или вернуться из Колымска обратно, ничего не сделав, или отправиться в путь без проводника. Я остановился на этом последнем решении. Я полагал, что, отправляясь в путь с людьми, привлечёнными уже мною в экспедицию и при имевшихся у нас запасах провизии, оружия и прочего — мы никакому особенному риску не подвергаемся. Приняв на себя руководство движением экспедиции и выбором направления, — я был вполне уверен, что во всех путевых затруднениях люди наши сумеют выйти из тяжёлого положения.

Итак, решено было идти на Гижигу без проводника.

К одному из самых серьёзных и непредвиденных в Якутске затруднений надо отнести комплектование в Средне-Колымске лошадей. Дело в том, что по смете ошибочно было спроектировано приобретение покупкой всего лишь девяти лошадей, по 80 рублей за каждую. Между тем, по прибытии в Средне-Колымск, выяснилось, во-первых, что цена на лошадей очень повысилась и колеблется в пределах от 100 до 130 руб., а во-вторых, что по количеству экспедиционной клади необходимо по крайней мере 16 лошадей. Таким образом, одна лишь покупка лошадей должна была обойтись не менее 1600 руб. Выделить такую сумму из 1800 руб., ассигнованных мне на всю экспедицию, я конечно, не имел возможности.

Но тут земляки мои дружно пришли на помощь. Симпатизируя лично мне, как колымчанину и заинтересованные кроме того в результатах экспедиции, они предоставили в моё распоряжение 16 лошадей «в тело», с платою по 20 руб. Первый почин в этом отношении был сделан бывшим улусным Головою С.Т. Гуляевым. Кроме этого были уступлены лошади Городским Старостой Е.А. Антипиным, улусным головой Ф.Н. Винокуровым, выборным У.В. Оконешниковым. родовым старостой Слепцовым, инородцами Дмитрием Винокуровым. Алексеем Слепцовым и Иннокентием Ефимовым. Имел я ещё заявление от группы среднеколымских обывателей, предложивших мне взять в крайнем случае их лошадей, — но зная, что уступаются мне единственные, обслуживающие домашние нужды, лошади, я поблагодарил колымчан за столь сердечную отзывчивость и отклонил это предложение. Вообще считаю своим приятнейшим долгом отметить, что всё снаряжение экспедиции в путь протекало при самом искреннем участии и дружной поддержке, как администрации, так и всех колымчан. Только благодаря такому участию и поддержке, мне удалось перебороть все затруднения и сносно снарядиться на те более чем скромные средства, какими я располагал. Особенную свою глубочайшую признательность свидетельствую Управлявшему округом В.И. Мельникову, управляющему казачкою командою, сотнику В.И. Берёзкину, Городскому Старосте Е.А. Антипину, улусному голове Ф.И. Винокурову, письмоводителю Инородной Управы Н.Г. Бережнову, Протоиерею о. Вл.Сём. Никифорову, купцам А.Е. Антипину и А.А. Суворову и всем названным выше инородцам, предоставившим экспедиции своих лошадей.

Нанятые мною лошади, по доставлении в Средне-Колымск, ещё по льду в средних числах мая были переведены на правый берег Колымы, откуда нам и предстояло двинуться в путь. Достаточные количественно, лошади эти в качественном отношении оказались далеко не одинаковыми; некоторые из них — приблизительно одна треть, были слабоваты на вид. Но делать было нечего; не мог, конечно, я за 20 рублей требовать ещё лошадей и сильных. Вьюки мы подготавливали лёгкие, одна лошадь предполагалась заводною, — почему мы и рассчитывали, что следовать с 16-ю лошадьми вполне возможно.

Выступить в путь я предполагал тотчас же по очищении реки Колымы ото льда, приблизительно 1-го июня. Но обстоятельства сложились несколько иначе. Колыма вскрылась в текущем году очень поздно; ледоход начался лишь 23 мая, причём, благодаря следовавшим одним за другим заторам льда, река очистилась только к числу 28 мая, а берега стали очищаться числа с 1-го июня. Затопы льда вызвали наводнение, какого, по уверениям старожилов, не было в течении последних 12 лет. Будучи ещё в детском возрасте свидетелем ужасного наводнения в Колымске в 1883 г., когда стихийным напором воды и льда снесло почти полгорода, — я ныне вновь пережил с колымчанами тревожное время наводнения, окончившегося, к счастью, благополучно. Старый город был залит весь; по всем улицам сообщение поддерживалось на стружках и лодках. Некоторые жители, дома которых были залиты, вынуждены были частью переехать за речку Анкудин, за которою на возвышенном берегу расположен новый город. — частью же жители переехали на бугор у церкви и отаборились возле церковной ограды. Величественна была эта картина. казалось, безграничного водного пространства, загромождённого льдом, — приобретая ещё более красивый, какой-то таинственный вид при незаходящем полярном солнце.

Второй причиной, замедлившею выступление наше из Средне-Колымска, явилось позднее прибытие из Верхне-Колымска, благодаря наводнению, наших рабочих Михаила и Гавриила Слепцовых.

По прибытии их, мы 14-го июня, напутствуемые сердечными благожеланиями всех колымчан, собравшихся проводить нас, отплыли на правый берег Колымы и в тот же день, навьючив наших лошадей, двинулись в далёкий путь — в те неведомые нам горы, за которыми мы должны были найти Гижигу — этот заветный выход к Великому океану.

Главным направлением нашего движения было направление юго-восточное, а в начале почти южное, в виду необходимости обойти известные, лежащие недалеко от Средне-Колымска, горелые места. В течение первых же 50-ти вёрст, пройденных нами по местности изменной, пересечённой невысокими холмами, которыми начинаются у реки Колымы, так называемые, «Колымские» горы, — мы поняли всю затруднительность предстоящего нам путешествия. С этими первыми нашими шагами мы начали прежде всего страдать от комаров. В лесистых, за-

крытых местах, при сырой глинистой почве, лошади наши, вообще слабые, начали показывать явные признаки присталости. Комары ни днём, ни ночью не давали покоя лошадям. Последние, спасаясь от комаров, или уходили с кормовища и от нашего табора, или простаивали всё время около дымокура. До 20 июня только в ночь на 17 число, когда температура понизилась до 3° по Ц, лошади наши получили отдых от комаров и паслись; к утру, впрочем, комары начались с новой силой. Лично я и мои спутники не особенно страдали от комаров, так как были довольно хорошо защищены. Без тюлевой сетки выходить из палатки было невыносимо. Комары, несмотря на усиленные наши старания защититься от них, проникали и в палатку; в пищу нашу, приготовлявшуюся у костра, комары падали во множестве. Так, например, из одной тарелки с супом приходилось вылавливать их десятками.

При этих условиях в первые же 50 вёрст две лошади настолько пристали, что рассчитывать на них положительно не приходилось. Обсудив наше положение, мы единогласно решили вернуть этих присталых лошадей в Средне-Колымск с казаком Котельниковым. Став затем перед необходимостью сократить, насколько возможно, нашу кладь, я вынужден был решиться на возвращение брезентовой лодки, приобретённой мною на экспедиционные средства выпиской из Иркутска. Очень обидно было расставаться с этой лодкой. Последняя в каждой экспедиции может оказать незаменимые услуги. Сделанная из прекрасного прочного материала, лодка очень легка — весит всего лишь 2 пуда 10 фунтов, т.е., при нормальном навьючивании, составляет всего лишь пол-вьюка. Во время Колымского наводнения мы испытывали эту лодку, причём убедились, что она совершенно безопасна и свободно может поднять двух человек с 7-8 пудами клади. Но делать было нечего. Что же касается предстоявших нам переправ через реки, то мы решили строить, в случае надобности, плоты.

Снабдив казака Котельникова провизией, мы, напутствуемые его пожеланиями, двинулись 20 июня дальше, в составе 5 человек, при 14-ти лошадях.

Опасаясь утомить настоящее собрание, я воздерживаюсь воспроизведением в данный момент повёрстного описания пройденного пути.

Описание это я буду иметь честь предложить вниманию интересующихся, по приведении в совершенно законченный вид составленной мною пятивёрстной маршрутной карты пути.

Дальнейшее наше движение, в смысле направления, было то же — юго-восточное. На протяжении следующих ста вёрст, как и в предыдущие 50, мы шли по очень отлогим холмам, пересечённым истоками реки Слезовки и, наконец, по одному из истоков вышли на вершину р. Летней — приток Берёзовки. Вся пройденная местность покрыта лиственничным, преимущественно редким лесом и кустарником. Почва — исключительно глинистая, местами кочковатая.

Со времени отправки казака Котельникова в Колымск (т.е. с 20 июня), целый месяц был потерян нами на ста вёрстах, в виду того, что комар всё больше и больше истощал силы наших и без того слабых лошадей. Как это ни печально, а в первый месяц нашего путешествия мы имели лишь десять ходовых дней, проводя остальное время на днёвках. К 23 июня наше положение настолько осложнилось, что верстах в 100 от Средне-Колымска у вершины р. Слезовки мы вынуждены были прожить 12 суток. Лошади наши положительно не имели покоя и убегали с пастбища в лес. В одном случае лошади были найдены вёрст за 15 от нашего табора, — причём, по доставлении оказались со следами комариной расправы — с припухлыми от укусов спинами, — а две лошади кое-как были приведены, настолько слабыми, что не могли положительно защищаться от комаров. Пришлось нам кроме ограждения их дымокурами, накрыть своими простынями. Одну лошадь в другом случае нашли со слабыми признаками жизни и со значительными повреждениями кожи. Несчастное животное не могло ни есть, ни пить, ни даже держаться на ногах. Все заботы наши о ней ни к чему не привели и лошадь эта пала.

Одним словом, комар оказался настоящим бичом той поры. В воздухе постоянно слышался шум комаров, а в палатке от ударов комаров о стенки её получалось такое впечатление, как будто падает дождь. Некоторое облегчение получали наши измученные лошади только при северном или западном ветре. Тот и другой неизменно несут с собою прохладу, бывают резки, и комары хотя бы временно оставляют людей и

лошадей в покое. Так, например, 27 июня при западном ветре наблюдалось понижение температуры до 7° Ц, и мы облегчённо вздохнули, — но, увы, вскоре же комары снова нахлынули.

Второе продолжительное наше сидение имело место верстах в 150 от Средне-Колымска у озера Христофора. Озеро это носит имя моего спутника-механика Хр. А. Цируля. Озеро это находится в верстах 10 от реки Летней, и названо мною по имени Хр. А. Цируля, который, отправившись на охоту, первый наткнулся на это озеро. Последнее, наполовину вытекшее, оказалось с богатейшим покосом. Трава местами почти скрывала лошадей. По определению наших людей, у озера этого можно было накосить до 80 возов сена.

Вот им мы и воспользовались для того, чтобы окончательно выкормить наших лошадей и переждать нашего лютого врага — комара. Иного выхода у нас не было, так как, при дальнейшем следовании нашем в комарное время, мы, несомненно, потеряли бы всех лошадей. У озера Христофора мы прожили с 10 по 20 июля. Облегчение от комаров мы почувствовали с 8 июля — «с Прокопьева дня». С этого числа как-то сразу послышалось дыхание осени. Ночами температура падала до -1° по Ц. Комар такой температуры не выносит и быстро уменьшился.

Приятно было в высшей степени это освобождение от комаров, но и печально было в то же время сознание, что мы прожили уже короткое полярное лето. После морозных ночей некоторые цветы начали уже вянуть.

Итак, можно считать, что лето в обследованном районе необыкновенно короткое — всего лишь около двух месяцев. Дальше уже начались ещё более морозные тёмные ночи, а за ними — бесконечная суровая зима.

У озера Христофора пришлось нам прожить, как я уже заметил, до 20 июля — до Ильина дня. Хотя комары уже исчезли, — но, по общему нашему мнению, мы признавали это томительное сидение необходимыми, чтобы поправить наших присталых лошадей. Последние на прекрасной траве действительно быстро оправились.

Переиспытав на себе тот громадный вред, какой может нанести комар, — я не могу не признать, что выступление наше из Средне-Колымска в июне месяце было безусловно неудачно. Гораздо целесообразнее было бы переждать там комарное время и двинуться в путь числа с 8-10

июля. В этом именно смысле я и даю мой совет, моё завещание тем путникам, коим придётся быть в описываемом мною крае.

С 20 июля экспедиция начала своё более или менее правильное движение вперёд. Лошади оправились, кладь значительно полегчала, так как провизия постепенно уменьшалась. От озера Христофора мы двинулись в юго-восточном направлении вверх по истоку реки Летней. Здесь чувствовалось, что мы уже основательно ввязались в «Колымские» горы. Они становятся здесь сравнительно высокими и местами заканчиваются высокими сопками. По истоку р. Летней мы перевалили довольно высокий хребет и пошли по взявшему с того же перевала своё начало истоку другой реки, надо полагать, по истоку р. Рожохи (приток Коркодона). Перевал этот, благодаря довольно значительному протяжению обеих рек, по которым мы прошли, переносится очень легко и незаметно. Грунт по обе стороны перевала твёрдый. Далее мы шли уже по речкам, принадлежащим к системе р. Омолона, — всего на протяжении от озера Христофора 300 вёрст. Местность тут точно также пересечённая горами, но несколько перевалов пройдены нами совершенно незаметно по весьма удачно расположенным седловинам.

Так достигли мы 9 августа реки Кедонь — приток реки Омолона. Река Кедонь оказалась с низменными берегами, разливается широко и состоит из многочисленных протоков и маленьких островов. В общем, ширина р. Кедонь в пункте выхода нашего на неё саженьей 100-150. Берега и некоторые острова этой реки очень густо поросли тальником, тополем и лиственницею. Благодаря весеннему разливу, берега поросли густою прекрасною травой. Дно реки и берега (под верхним тонким слоем земли) каменисты; р. Кедонь надо отнести к числу, так называемых, «каменных» рек. Прибыль и убыль на них неизменно регулируются перепадающими дождями. Мы вышли на Кедонь в дождливую пору. Дождь шёл почти двое суток, а в верховьях рек, по-видимому, дольше. Вследствие этого Кедонь вздулась и при большой быстроте, не дала броду. Пройдя вниз по р. Кедонь немного на юг, мы нашли место, удобное для переправы, где ширина главного русла реки не превышала 15 саженьей. Ниже этого пункта находится пережат, или, как северные жители называют, «шивера», через которую брод был бы возможен, если бы мы ожидали дня два-три убыли воды, — но мы решили немедленно же построить плот и переправиться на нём.

Кстати сказать, переправляться на плотах нам пришлось три раза: через реки Кедонь, Омолон и Парень. Каждый раз люди наши, привычные в этом деле, строили плоты со всею тщательностью и умением. Постройка плота две сажени в квадрате занимала почти целый день. Прежде всего подыскивались возможно сухие и толстые брёвна. Надо было их перерубить по размерам плота, стаскать к месту постройки и здесь уже верёвками, а лучше всего тальником, люди наши сплавляли заготовленный лес. Затем, для большей безопасности, устраивались на небольших козлах плотовые вёсла. Такой плот свободно поднимает 3-4 человек и пудов 10 клады. Переправа на плоту вообще совершенно безопасна, и я приступал к ней без малейших колебаний. На плоту описанного размера мы переправлялись за два раза. В одном случае, — чтобы избежать этого, мы построили уже два таких плота, связали их вместе и переплыли сразу. Устройством плотов заведовали всецело наши люди. Только при третьей переправе на плоту (через р. Парень) мне и моему спутнику пришлось принимать участие в постройке плота вместе с нашим казаком, так как якуты остались позади. Тут командование постройкой принадлежало нашему Семёну Берёзкину, который и распоряжался совершенно самостоятельно, распределяя между нами роли. По его предложению, мы с Х.А. Цирулём носили брёвна и помогали при связывании плота. Лошади при переправах этих переходили реки вплавь.

Оставив за собою р. Кедонь, мы по одному из притоков его всё в том же юго-восточном направлении вышли в котловину, лежащую между Омолоном и притоком его — Кедонь. За этой последней рекой как-то сразу почувствовался твёрдый, каменистый грунт, за исключением котловины, переход через которую, при отсутствии какой-бы то ни было тропы и при глинистой, болотистой почве и кочковнике, был довольно затруднителен.

Говоря о направлении нашего пути, считаю необходимым пояснить, что, я рассчитывал выйти в районе Яблонового хребта на прежнюю «Чукотскую» дорогу, так как миновать её мы не могли и должны были, как говорили мои люди, «хватить» гижигинский конец этой дороги. Предположения мои действительно оправдались. Подходя к р Омолону в котловине его мы 22 августа заметили довольно ясный след этой дороги, — а именно — на низкорослом берёзовом кустарнике, (по-мест-

ному «ёрник») была видна полоса с поломками кустарника и с повреждениями верхнего мшистого слоя почвы. След этот подошёл с северо-востока и, по всем нашим соображениям, был, несомненно, след «Чукотской» дороги, который, впрочем, вскоре же потерялся.

Это открытие дороги вполне укрепило мою уверенность в том, что мы не сбились с направления, шли совершенно правильно, что теперь уже легко будет дойти по следам старой дороги до Гижиги и что, наконец, осталось до последней сравнительно небольшое расстояние — приблизительно вёрст 300.

Здесь мне бы хотелось обрисовать вкратце те условия, при которых экспедиция наша, не имевшая, как я уже доложил, проводника и состоявшая из людей, впервые оказавшихся в этом крае, — вышла на р. Омолон, проложив себе совершенно новый путь

Роль руководства при таких условиях, — роль чрезвычайно трудную, пришлось мне принять на себя. Люди наши, высказывая те или иные свои предположения и соображения, — однако, всё-таки ежедневно ожидали от меня указаний — в каком именно порядке и направлении мы должны продолжать наш путь. Руководствуясь в свою очередь указаниями общей карты и избирая по компасу по возможности направление юго-восточное, — я вынужден был чуть ли не ежедневно с одним из наших людей (чаще с Гавриилом Слепцовым — этим отважным и незаменимым передовым нашего каравана), делать разведки. Случалось, например, очень часто, что, останавливаясь на ночлег или обеденный отдых, мы не знали какое именно из направлений надо предпочесть. — короче говоря, не знали куда идти; наконец, в виде общего правила, входя в какую-нибудь долину, распадок, или, подходя к какому-нибудь перевалу, мы не имели представления о том, что за местность нас ожидает, — не знали, что сулит нам завтрашний день.

Во всех этих случаях разведки каждый раз выводили меня из затруднительного положения. Особенно неоценимые услуги оказали мне высокие сопки. С них я отлично ориентировался в окружающей местности, намечая наиболее благоприятное для экспедиции направление. Разведки эти отнимали целые дни, так как приходилось иной раз делать пешком целые десятки вёрст. В одном случае, на разведке между реками Кедонь и Омолоном мне, Гавриилу Слепцову и Семёну Берёзкину при-

шлось сделать сорок вёрст в день. Не один раз пришлось мне переживать и тяжёлые минуты. Бывали такие моменты, что, казалось, нет дальше никакого выхода, казалось, что мы никогда не выйдем из окружающих нас со всех сторон грандиозных горных массивов. Так было, например, по выходе нашем на р. Омолон. Река эта оказалась очень значительною и вследствие ненастной погоды полноводною. «Чукотская» дорога у реки этой затерялась и вдобавок мы оказались запертыми рекою, которая к югу от нашего расположения была замкнута высокими скалистыми горами: река, извиваясь, была то в один, то в другой почти отвесный скат. Таким образом, движение вверх по реке — в южном направлении было немыслимо. Перед нами лежала река, не допускавшая брода, за которой, казалось, нет выхода, так как там — за рекою лежали те же скалистые горы.

Разведка, предпринятая по горам со стороны нашего расположения на левом берегу реки, была безуспешна и намечала лишь возможность, в крайнем случае, обходного движения в высоких скалистых горах. — причём не было известно, куда бы нас это обходное движение завело. Но прежде чем предпринять этот обход, я решил сделать разведку на другом — правом берегу Омолона и на связанном наскоро маленьком плотике я, механик Цируль и якут Гавриил переплыли реку, действуя, за неимением вёсел, шестью. Здесь я наметил для наблюдений ближайшую высокую сопку; взобраться на неё нам, впрочем, не удалось, так как дул очень сильный холодный северный ветер, который, при весьма крутых скатах сопки, мог сбросить нас, а кроме того угрожал простудою. Понаблюдав со середины ската и видя, что с восточной стороны нас окружают те же скалы, и что с этой стороны впадает в р. Омолон по маленькому распадку незначительный ручей, который, как мы предположили, вывести нас из этих скал не может, — мы с механиком Цирулем в совершенно подавленном состоянии духа решили было уже идти обратно с тем, чтобы предпринять описанное выше обходное движение, угрожавшее нам весьма тяжёлыми последствиями, но тут счастливый случай помог нам.

Дело в том, что, отправляясь на сопку, я оставил якута Гавриила Слепцова у подошвы её, приказав ему проследить ручей и выяснить, нет ли тут признаков «Чукотской» дороги. Направившись вверх по ручью, опытный в путешествиях и очень сметливый якут сразу попал на след

дороги. Оказалось, что от р. Омолона она вышла именно по этому ручью. Пройдя затем по последнему несколько вёрст, я лично убедился в этом, установив также и то весьма важное обстоятельство, что ручей берёт начало не со скалистого, а с очень пологого, лесистого перевала.

Такому исходу все мы были несказанно рады. Иное, конечно, случилось бы, если бы я не оставил якута для указанной разведки и если бы взял его с собою на сопку. Возможно, что мы и запутались бы в обходных движениях

Данный случай представляется одним из многочисленных пережитых мною затруднений, которые выпали на мою долю, благодаря следованию экспедиции без проводника.

При таких тяжёлых условиях пришлось мне вести экспедицию. Эта тяжёлая обязанность вызывала во мне постоянно напряжённое тревожное состояние, за которым совершенно затушёвывались все остальные дорожные неудобства и лишения. Понятно поэтому, что, выйдя на «Чукотскую» дорогу в таком сравнительно близком расстоянии от Гижиги, я облегчённо вздохнул, считал, что тяжёлая ноша свалилась с моих плеч и шутя говорил моим людям, что отныне я буду уже в хвосте нашей колонны, что пусть теперь они меня ведут по «Чукотской» дороге. Но, как оказалось впоследствии, главные наши невзгоды и лишения лежали там впереди — по ту сторону Станового хребта.

Переправившись через р. Омолон на плоту, мы по указанному выше ручью и по следам «Чукотской» дороги вошли с первых же шагов в начинающиеся от этой реки горы Яблонового хребта. Возвышенности эти сравнительно высокие, лишённые в своих вершинах растительности и лишь по скатам и подошвам покрытые кедровниковым кустарником, представляются бесконечными, поскольку можно окинуть их взглядом, цепями гор, грандиозными скалистыми массивами, прорезанными реками и речками, которые, как бы не желая уступить в своей мощи этим громадам, с необыкновенною быстротой и шумом весело несут свои чистые, прозрачные воды.

Дальше мы достигли р. Кегалли¹. Движение наше вверх по этой реке, или, вернее, постепенный, плавный, — подъём на Яблоновый хребет, — подъём, который тянется на протяжении свыше 100 вёрст — был

¹ «Кегалля» — название местное; на карте изд. Генерального штаба река эта названа «Кигили».

вполне благополучен. Только замыкающие долину Кегалли с обеих сторон скалистые скаты и сопки напоминали нам постоянно, что мы не только свершаем переход вверх по реке, а переваливаем через громадный, известный всем и каждому, Становой хребет. По мере приближения нашего к вершине реки, постепенный подъём наш становился всё более и более чувствительным. Показания барометра-высотомера убеждали меня ежедневно в том, что мы поднимаемся на такую значительную высоту, с какою нам не приходилось встречаться на протяжении всего пройденного пути. Вместе с подъёмом постепенно изменялся и вид долины Кегалли. Сравнительно привольная по растительности, изобилующая разными промыслами, долина эта постепенно суживается, а тополевые, осиновые рощи сменяются кустами кедровника.

На третий день нашего перехода по р. Кегалли мы заметили у подошвы западного ската строения. Оказался маленький домик с чуланом через сени и особо амбарчик на сваях. Говорят, что это лавка гижигинского купца Молодых — того именно, который когда-то ездил с торговлей по Чукотской дороге в Колымск. Пункт этот, по-видимому, и до сих пор имеет кое-какое торговое значение. В домике мы нашли кое-какие вещи, главным образом чукотского обихода и значительный запас кирпичного чая. Потом, уже в Гижиге я узнал, что последний принадлежит мелким гижигинским торговцам, выезжающим с торгом к чукчам.

На 1-е сентября в горах выпал снег толщиной до 2 вершков, сопровождаемый холодным северным ветром. 1, 2 и 3 сентября состояние погоды не изменилось к лучшему и нам пришлось идти к перевалу, то под снегом, то под сменявшим его дождём. В общем, долина Кегалли приняла весьма угрюмый вид. Чем выше мы поднимались, тем таинственнее, угрюмее и опаснее казались эти громады. Я с удвоенною энергией старался вырваться из них как можно скорее, — тем более, что впереди стояла заманчивая перспектива расстаться с Колымскими краями и перейти уже на реки Охотского моря.

Недалеко от лавки Молодых мы встретили снеговые пласты, оставшиеся от прошлой зимы и образовавшиеся, надо полагать, от наледей и снежных заносов. Эти снеговые пласты, представлявшие собою полу-снег, полу-лёд, — обильно питали р. Кегалли, исток которой дальше к перевалу заметно уменьшился. Тут растительность ещё более поредела и даже кедровник уступил место мелкому кустарнику. Около перевала

пришлось в течении суток отапливаться уже этим кустарником. Здесь же и палатка наша была раскинута довольно своеобразно — на ружьях.

Экспедиция достигла самого перевала 4 сентября, причём переваливать пришлось во время сильного снега. Самый перевал оказался седловиною, над которою высятся две сопки. С вершины этого перевала взялся ручей, которым, как оказалось, начинался один из притоков реки Парень, впадающей в Гижигинскую губу. Расстояние между вершиной этого истока и истока р. Кегалли всего лишь около 100 саженей.

Спустившись по новому потоку с вершины перевала, мы тот же день вошли в долину притока р. Парень, оставив таким образом за этим хребтом, за этою грандиозной каменной стеной Колымский край. Должен заметить, что, вступая впервые в горы Яблонового хребта, я в своём воображении представлял перевал через него тяжёлым и затруднительным. Но проследив его шаг за шагом лично, признаю его для каких угодно сообщений весьма и весьма удобным. Конечно, только реки могут прокладывать себе в этих каменных громадах такие удобные и доступные пути.

Обращаясь к пройденному пути от Средне-Колымска до Яблонового хребта и делая сводку моих наблюдений, я нахожу, что климат обследуемого района характеризуется вообще резкими переменами температуры. Короткое лето продолжается всего лишь около двух месяцев — с половины мая и приблизительно до половины июля, — причём очень знойные дни, например, в первых числах этого месяца сменяются такими холодными ночами, когда температура падает ниже 0. Так, например, после сильного зноя, во время которого в палатке положительно невозможно было находиться (6 и 7 июля) в ночь на 13 июля термометр показывал уже -1° по Цельсию. Далее к концу июля температура настолько понизилась, что 30 и 31 числа уже наблюдалось -4 — -5° . В эти ночи замерзала в посуде вода; помёрзли ягоды и растения; поблёк во многих местах даже кустарник. Наконец, 11 августа повалил уже снег; он, да пожелтевшая совершенно растительность напоминали уже о бесповоротно наступившей осени. Снег этот, правда, оставшись лишь в горах, стоял, но 26 августа он снова выпал; в сентябре же перепал чуть ли не ежедневно и в средних числах этого месяца, когда мы были за Яблоновом хребтом на р. Парень, уже установилась зима

Однако, не смотря на суровые климатические условия, растительный мир района от Средне-Колымска до Яблонового хребта довольно разнообразен. Из древесных пород первое место занимает лиственница, которую покрыты все склоны Колымских гор и долины их. Богаты растительностью особенно берега и долины рек: Омолона и притока его Кедань, реки Кегалли, реки Летней и других. Здесь, на ряду с великолепной, необыкновенно сочной травой, расположены прекрасные тополёвые, осиновые и тальниковые рощи. Лиственничный лес растёт по всем рекам, но особенно крупный строевой лес я наблюдал на правом берегу р Омолона.

Дабы представить полнее флору пройденного мною пути, я, насколько это позволяли мои силы и время, старался собирать растения; сбор производился с июня по начало августа, т.е. до тех пор, пока растения не пожелтели. Всё, что добыто мною, я уже передал Тихону Иосифовичу Юринскому, который и осветит при случае настоящий предмет во всей его полноте.

Полное разочарование постигло меня в этой области после перевала через Яблоновый хребет. Восточные склоны его лишены растительности и лишь у подошвы поросли кустарниковым кедровником. Тот же кедровник, и только он один, является затем единственным растением, встречающимся по увалам и тундрам — вплоть до самой Гижиги. Кроме кедровника здесь ничего добыть нельзя; он же и топливо, на нём же приходится раскидывать палатку и проч. Только по берегам рек Парень и Гижига с притоками растут лиственничные я тополёвые деревья. В общем, за перевалом через Становой хребет природа оказалась необыкновенно печальной и унылой.

Весь пройденный путь обеспечен отличными оленьими и лошадиными кормами. Олений мох растёт всюду в изобилии. Трава — также всюду, но особенно богаты корма на заливных берегах рек и на вытекших озёрах. Трава по рекам настолько питательна, что в 2-3 дня лошади заметно поправляются.

Корма эти по пройденному пути расположены равномерно и устройство станций, например, при оборудовании тракта, вполне может считаться обеспеченным. Некоторые же места привлекают к себе особое внимание и могут быть рекомендованы в качестве пунктов для поселений. Особенно благоприятны для развития скотоводческого хозяйства

и разного рода промыслов следующие пункты: вершина р. Слезовкп (в 100 верстах от Средне-Колымска), озеро Христофора (150 в.), вершина р. Летней (200 в.), приток Омолона Кедонь и сам Омолон и р. Ксгалли — в двух и даже трёх пунктах. Все эти пункты располагают уже почти совершенно готовыми значительными покосными угодьями. Всюду могут быть отлично использованы рыбный, пушной и звериный промыслы. Рыба хайрюз, ленок, конёк водится во всех встречающихся реках, а особенно в реках Омолоне, Кедонь и Кегалле. Затем, даже при поверхностном наблюдении, видно, что заяц, лисица и белка водятся всюду. Перелётные птицы — гуси и утки — также во множестве выводятся по рекам и озёрам пройденного пути. Наконец, район этот богат и крупным зверем — лосем и диким оленем. Лосей особенно много на Колымской стороне — до р. Кедонь и Омолона, с последнего же до Гижиги начинается преобладание диких оленей.

В прямой зависимости от изобилия этих промыслов находилось и наше продовольственное обеспечение, со времени выхода из Средне-Колымска до сентября месяца. Ещё снаряжаясь в Колымске, я особенно был озабочен заготовкой хлебного довольствия, которого было взято мною до 12 пудов. Что же касается мясных продуктов, то запас их был сделан самый ограниченный; было взято всего лишь до 3 пуда солёного мяса и несколько гусей. Главные свои расчёты в отношении продовольствия мы строили на охоте. Ввиду этого, мы взяли с собою три берданы, два дробовика, разрывные нули, а также значительный запас пороху и дробы. Кроме того, были взяты ещё две сети, а в пути якуты наши устроили для лова рыбы так называемую «морду».

Вооружившись таким образом, мы за всё время пути имели прекрасные свежие продукты, а именно: уток, гусей, горную дичь, рыбу и даже диких оленей. Нужно заметить при этом, что ради охоты мы отнюдь не уклонялись от нашего пути, а добывали то, что попадалось на нашей дороге. В общем добыто нами свыше 200 шт. разной мелкой дичи — уток, глухарей, тетеревов, куропаток, до 40 гусей и 3 оленя. Много помогала вам в охоте взятая из Колымска промысловая собака. Оленей особенно много встречалось по р. Кегалле; в течении одного дня нам попадалось по несколько штук и так как на наших слабых лошадях мы не могли навьючить больше чем одного оленя, то в некоторых случаях встречали оленей без выстрела. Люди наши шутили по этому поводу, говоря, что в

первое время нас задерживали комары, а в конце олени загораживают наш путь. Тушу одного убитого оленя и несколько гусей якуты повесили на р. Кегалле, устроив «аргы» (вешалка). Таким образом, мы не только были обеспечены провизией, но даже заготовляли её на обратный путь. Лакомились мы вдоволь также и ягодами. Ягод на всём пути масса. Случалось так, например, что в течении одного дня попадалась: голубица, смородина, морошка, княженика, брусника и даже малина. Последнюю я находил два раза у Омолона. — хотя кусты малины встречались и раньше. Ягоды малины в засушенном виде находятся в моём небольшом гербарии. Морошки очень много было по истоку р. Летней, почему и самую речку мы назвали «Морошкалах» (т.е. изобилующая морошкой). Запасать ягоды, конечно, не приходилось; кушали их, только срывая с зелени. Досадно было, когда морошку топтали лошади, которые, вместе с зеленью истребляли также и ягоды княженики.

Таково было наше благополучное в общем во всех отношениях путешествие, пока мы не перевалили Яблоновый хребет. Впрочем, и здесь ожидал нас один сюрприз: на притоке р. Парень мы нашли чукотскую семью. После трёхмесячного почти скитания по совершенно пустынной местности, необыкновенно приятна была эта чукотская ураса и выходящий из неё дымок. Дикари оказались очень приветливы; своё удовольствие выражали улыбкой, но переговорить с ними всё-таки не удалось, по непониманию друг друга. Чукчи, показывая то на уши, то на язык, старались выразить нам своё сожаление, что не понимают нас. У чукчи мы, однако, получили кое-какие указания относительно нашего пути. Он на палочках и траве показывал нам расположение рек, по которым нам предстояло идти.

Наделив чукчей чем могли и купив на дорогу оленины, мы покинули наших гостеприимных дикарей, переночевав около их урасы ночь.

Чукчи эти оказались не крещёнными, — а в довершение всего этого поздно вечером из урасы раздались звуки бубна, как-то зловеще нарушавшие окружающую наше расположение тишину.

Таким образом, шаманство в этих местах, по-видимому, продолжает ещё процветать.

По миновании чукчей, на том же притоке р. Парень некоторые наши лошади, утомлённые перевалом через Яблоновый хребет в ненастную пору, начали приставать. Между тем, мы видели, что до Гижиги остаётся

уже недалеко, и что можно бы было дней через 7-8 быть там, а если повезет, то и застать ещё пароход. Так рассуждали мы 8 сентября. Обсудив наше положение, мы приняли к исполнению план, предложенный нашими людьми. План этот заключался в следующем: я, механик Цируль и казак Семён Берёзкин должны были на шести сравнительно ещё сильных лошадях идти вперёд, — а якуты Михаил и Гавриил Слепцовы имели двинуться вслед, подкормив лошадей в течении нескольких дней на хорошей траве у р. Парень, — причём якуты намеревались побывать за это время у чукчи ещё раз и купить у него мяса.

Поделив 8 сентября провизию, вещи, оружие и патроны, — мы распрощались с нашими якутами и двинулись вперёд, 11 сентября мы соорудили плот, а 12-го благополучно переплыли на нём р. Парень. Движение наше было очень медленное; лошади наши в первые же дни обнаружили признаки присталости, а к тому же во все эти дни перепадал снег. Расчёты наши дойти в 7-8 дней до Гижиги не оправдались, — но мы всё-таки шли. 14 числа мы в последний раз кушали ржаные лепёшки и пили последнюю заварку чая. Дальше мы рассчитывали на охоту, которая нас всё-таки питала, — а в крайнем случае намеревались убить одного коня.

Но все наши мечты и планы разом рухнули 16 и 17 сентября.

Эти дни внесли в историю нашего путешествия особенно скорбные страницы. 16 числа остановились мы в котловине у р. Парень ещё за светом и отпустили лошадей, предположив, что они поедят у ручья. Вечер был тихий. Залегши по обыкновению рано (часов 7-8), мы ночью были разбужены ужасным ветром, бушевавшим при сильном снеге. В виду открытой местности, стихия разразилась над нами с ужасной силой. Палатка наша, поставленная на плохих кедровниковых палках, казалось, не выдержит этого отчаянного натиска и рухнет.

Одним словом, пурга — пурга настоящая, приморская, вероятно, отголосок такого же отчаянного шторма на море, разыгралась во всю мощь. Ужасно жутко и тоскливо было лежать в эту памятную ночь в нашей убогой палатке, с минуту на минуту ожидая её разрушения.

Но вот настало и утро, а буря всё продолжалась, — беспощадно трепала нашу палатку. Семён Берёзкин отважился выйти сварить хотя бы чайник, но, сделав это, заявил, что быть вне палатки нет никакой воз-

возможности, что пока он был у огня, дым с такой силой заволакивало ветром, что он чуть видит, — а быть вдали от огня при насквозь пронизывающем ветре невозможно.

Пришлось нам и ему лежать в палатке. Выйти и сходить посмотреть, где наши лошади, было положительно немислимо.

Так пурга продолжалась весь день 16 числа. Огонь, разведённый утром, конечно, занесло и помышлять о его возобновлении уже не приходилось. Оставшись голодными, мы кой-как утолили голод двумя маленькими баночками консервов. Приготовленные со специями, они, впрочем, только ещё больше возбудили наш аппетит.

А буря бушевала всё с той же силой. Наконец, ночью разразилась она с небывалой энергией. Казалось, что от нашей несчастной палатки не останется ни клочка и мы окажемся заживо погребёнными ею и снегом. Я не мог спать почти всю ночь и наблюдал за кедровниковыми жёрдочками, которые служили опорой нашей палатки. Но, к счастью, слабые на вид, они оказались сырыми и выдержали этот отчаянный натиск.

К утру 17 числа буря стала заметно затихать, поредел и снег. Благодаря этому, мы получили свободу и могли хотя бы ненадолго выйти из нашего заточения, получили возможность развести хотя бы огонь.

Напившись чаю (т.е. не чаю, а слабенького настоя кофе, так как чай у нас уже окончился), — я решился пойти посмотреть лежащий около нас распадок, через который мы намеревались идти дальше, а Семён Берёзкин отправился на розыски наших лошадей.

Мне пришлось скоро вернуться, ничего существенного не разведав, так как снег оказался выше колена. Я положительно был поражён и никак не ожидал, чтобы могла навалить в короткое время такая масса снега.

Измученный, я вернулся к нашей убогой палатке, — но тут меня ожидало ужасное известие. Семён Берёзкин вернулся и сообщил, что из 6 лошадей 4 уже пали, одна — неизвестно где и что лишь одна лошадь, по-видимому, уцелеет. Известие это меня положительно как громом поразило. В первый момент я как будто не давал себе ясного отчёта о происшедшем и даже стал есть предложенную мне Семёном Берёзкиным печёнку от павшей лошади, но затем мне ясно представился весь ужас того положения, в котором мы так неожиданно очутились. Стало ясно, что мы без лошадей, без пищи (если не считать мяса павших лошадей)

и окружены непроходимым снегом — положительно в пустыне. Вдобавок нам и топить здесь, — на месте нашего крушения, было нечего, так как имели около себя всего лишь 2-3 куста кедровника, заваленного теперь снегом.

Однако, надо было всё-таки на что-то решиться. Предположений было высказано два: 1) навьючить на двух живых лошадей наши постели, сколько можно мяса от павших лошадей и постараться перевалить хребет, следуя, конечно, пешком, — с тем, чтобы дальше, в случае удачного спуска с хребта на гижигинские реки, сплыть по ним на плоту. В крайнем случае, т.е. в случае неудачи, мы имели возможность прожить некоторое время около тех двух лошадей, которых предполагали вести с собою. 2) Другой план — вернуться назад версты за 4 — на речку, там отабориться, пока Семён Берёзкин поедет навстречу нашим якутам. Одного из них предполагалось послать к нам, а с другим Семён Берёзкин должен был как-нибудь добраться до чукчи и постараться нанять у него оленей с «турками»¹. По всестороннем обсуждении, на этом плане мы и решили остановиться, находя первый план наш более рискованным и опасным.

Но для перекочёвки на речку нам нужно было ещё подкормить нашу уцелевшую лошадь, которая во время пурги простояла голодной и кроме того найти вторую, которая, как мы предполагали, ушла на ту же речку. С этой целью Семён Берёзкин отправился 18 сентября на речку, оставив нас вдвоём. Остались мы с кониной, да уцелела у нас ещё одна маленькая щука.

Жутко, невыносимо тяжело было оставаться в нашей палатке, тем более, что ветер продолжал завывать, напоминая нам только что пронёсшуюся над нами и разгромившую нас пургу.

20-го сентября рано утром Семён Берёзкин вернулся к нам с двумя лошадьми, разыскав таким образом вторую лошадь.

В тот же день мы предприняли и задуманную кочёвку на речку. Ящики и другие наши вещи мы решили оставить так как перевести нам их было уже не на чём, а взяли с собою только палатку, постели; навьючили на другую лошадь наше продовольствие — мясо от павшего коня и сами направились пешком на речку, с трудом пробредая глубокий снег. Здесь нам всё-таки было хотя несколько уютнее, так как местность

¹ Очень лёгкие олени санки.

довольно густо заросла кедровником, а вместе с тем было и топлива вдоволь, так как кедровник отлично горит.

21 сентября Семён Берёзкин отправился на соединение с нашими якутами, дабы постараться привести в исполнение второй план нашего спасения, а именно — получить помощь от чукчи.

22, 23 и 24 сентября мы провели с механиком Цирулем в одиночестве. Погода с 19 числа поправилась; дни стояла ясные, солнечные, хотя всё время дул холодный северный ветер. Ужасно обидно было за наше неожиданное крушение. Только один-два таких же ясных дня и мы, быть может, успели бы добраться до гижигинских рек. Но судьба сулила иное: она послала нам пургу и только после нашего разгрома установилась хорошая погода — когда мы оказались уже пешими.

Чтобы скоротать эти невыносимо тяжёлые, наводящие одну лишь тоску, дни, мы спали — валялись в постели по 15-18 часов в сутки, но дни всё-таки были очень долгие. Попытки наши охотиться окончились полной неудачей; никакой дичи около нас не было и за все дни мне удалось убить только одну куропатку.

Продовольственное наше положение, надо заметить, обострилось до крайности. Без чая, хлеба и прочего, живя только на конском мясе, от истощённых павших лошадей, мы чувствовали себя полуголодными и наблюдали как с каждым днём падают наши силы и как во всём организме, а особенно в конечностях, развивается какая-то непонятная слабость. Как будто ничего не делаешь, упитываешься конским мясом как будто досыта, а силы всё убывают и убывают.

Так влачили мы вдвоём с Хр. А. Цирулем своё жалкое существование, живя отчасти надеждой, что Семёну Берёзкину удастся дойти до чукчи, получить оленей и оленины, а до этого мы надеялись, что ожидаемый якут привезёт что-либо из провизии, так как, по нашим расчётам, якуты должны были купить у чукчи значительный запас оленины.

Но всё это были одни лишь несбыточные надежды. 25 сентября нас постигло новое ужасное сообщение. Рано утром, когда мы были ещё в палатке, пришли наши якуты. На окрик наш, в их ответе уже чувствовалось что-то недоброе. Оказалось, что они потерпели от той же пурги в одинаковой с нами степени. Лошади их пали и якуты, побросав все вещи, полуголодные, с котомками за плечами, на лыжах добрались до

нас. Оказалось к тому же, что у чукчи им ничем не пришлось поживиться, и чукча собрался откочевать с того места, на котором мы его нашли. Вследствие этого совершенно бесполезно было и Семёну Берёзкину ехать к чукче. Наконец, по сообщениям якутов, Семён Берёзкин и до них добрался кое-как, поморозив себе ноги.

Так завершился разгром всего передвижного состава нашей экспедиции. Налетевший неожиданно ураган унёс у нас в один-два дня десять лошадей, оставив еле живыми лишь две, которых, как мы опасались, быть может Семёну Берёзкину, оставшемуся с ними, и не удастся привести к нам. Если бы он смог это сделать, то осчастливил бы нас, так как мы питались бы мясом, хотя и изнурённых, но всё же заколотых, а не павших лошадей

Но те же якуты — эти наши незаменимые люди, принесли с собою и готовый новый план нашего спасения.

План этот заключался в следующем. Якуты изъявили готовность отправиться вдвоём в Гижигу на лыжах, с тем, чтобы вызвать оттуда помощь. Якуты своим бодрым видом и настроением подняли наш упавший дух. Мы твёрдо верили, что люди эти не погибнут и спасут нас. Они высказали свою уверенность, что доберутся до Гижиги, что расстояние им придётся пройти сравнительно ничтожное 100-150 вёрст и что, если им приходится задуматься немного, то лишь над вопросом о продовольствии в пути. Но, обсудив это дело, мы решили, что наши храбрецы возьмут в свои котомки побольше конины, — частью в сыром, частью в варёном виде, чтобы уменьшить вес.

Предвидя всевозможные случайности, я просил якутов и взял с них слово в том, что они возьмут мяса на 6-7 дней, причём, если в первые 3-4 дня не попадут на верный путь, то должны вернуться обратно.

При обсуждении этого плана, якуты решительно заявили, что отправятся в путь немедленно ☐☐ 26 сентября, так как может выпасть ещё более глубокий снег и могут неожиданно наступить холода. Предложенный мною отдых они, таким образом, решительно отвергли.

Остановившись на этом плане нашего спасения, я принялся за составление бумаги на имя Гижигинского Начальника, в которой изложил о постигшем нас несчастий, об угрожаемой опасности и просил немедленно выслать помощь: собачьи нарты, провизию и одежду. Написал я

также письмо с просьбою о содействии своему родственнику — доверенному купца И.Е. Шустова С.Ф. Гуляеву. Корреспонденцию пришлось заготавливать у костра, пользуясь оказавшимся под рукою карандашом.

26 сентября мы поднялись рано. Надо было распрощаться с нашими якутами, предпринимавшими столь рискованное путешествие. Легко одетые, они взяли с собою котомки, в которые положили лишь самое необходимое: два тёплых одеяла, ситцевый полог, котелок и конское мясо. У каждого котомка весила фунтов 20. Судя по снаряжению наших молодцев, бросавшейся в глаза особенной практичности их, было видно, что люди эти не в первый раз пускаются в путь на лыжах.

Момент расставания нашего был очень тяжёл. Высказывая друг другу взаимные пожелания, мы не могли сдерживать подступавших к горлу слёз. Тут особенно чувствовалось, что мы имели дело не с первыми попавшимися якутами, а с нашими искренними и преданными друзьями. готовыми за нас идти на всё и куда угодно. Трогательны были в последний момент их уверения и просьбы — не печалиться, а ждать спокойно прибытия помощи.

Проводив наших спасителей немного и указав им место нашего крушения (16 и 17 сентября), где они должны были взять со собою мяса от павших лошадей, я ещё раз сердечно простился с Михаилом и Гавриилом, напутствовал их своими пожеланиями и долго следил за ними. Пошли они положительно молодцами, пошли легко, уверенно. быстро. Всё это ещё больше укрепило мою веру в этих людей. Мне казалось, что пока живы они, мы не погибнем.

27 числа пришёл к нам Семён Берёзкин; он оказался на лыжах и с котомкой за плечами. Лошади, с которыми он ушёл от нас, отказались идти по глубокому снегу, незамёрзшим болотам и, как мы полагали, несомненно, погибли. Таким образом и тут нам не повезло. Мечты наши убить хотя одну из этих лошадей на пищу рухнули.

С 26 числа потянулись долгие, бесконечно томительные дни ожидания помощи, вызвать которую отправились якуты. Со дня их ухода от нас мы начали новое счисление, строя всевозможные предположения о том, когда бы они могли дойти, когда могло подоспеть к нам наше спасение и т.п. Первые 5-6 дней мы сравнительно были более спокойны, — но затем каждый день приносил нам всё больше и больше волнений и

всевозможных опасений. С одной стороны — мы как будто твёрдо верили в то, что якуты дошли до Гижиги и что помощь оттуда ни сегодня, так завтра должна подоспеть, а с другой — зарождались и мысли иного свойства — мысли ужасные, разбивавшие все наши мечты и надежды на спасение — это опасение за якутов, за возможную гибель их. — а, следовательно, и весьма вероятную гибель нашу.

Поднимались мы часов в 10-11, а иногда и позднее. Голод давал себя знать, и потому мы принимались за конину.

Встав утром, прямо из палатки мы спешили к костру. Около него — с северной стороны — со стороны господствующего ветра, была устроена из кедровника защита, где мы и размещались поближе у огня.

В это время поджаривались «шашлыки» из конины и как более вкусное блюдо — «шашлык» из конской печени. Шашлык этот мы сначала сдабривали солью, уксусом и перцем, но потом специи эти истощились, и мы перешли на истребление этих «шашлыков» даже без соли. Так, по видимому, способен человек привыкать ко всему; поэтому и конина без соли не казалась нам особенно противной.

Чай заменял нам остаток кофе. Но его было так мало, что мы позволяли себе эту роскошь только один раз в день. — причём одна чайная ложка кофе заваривалась в большом медном чайнике. Получалась, конечно, та же кипячёная вода, чуть отдававшая запахом кофе. Вот это-то «кофе» мы и пили один раз в день. Упитываясь таким образом, мы подшучивали над собою, что ежедневно имеем «шашлык» и «кофе» — такое питание, какое не всякий может себе позволить.

После такого «завтрака», начиналось приготовление «обеда». Он также был изо дня в день один и тот же. В чайник, в котором мы варили «кофе», мы укладывали сколько помещалось конины, костей и слегка подсаливали, уменьшая постепенно, в целях наибольшего сбережения, количество соли. Конское мясо, лишённое питательных соков, вместо навара, давало в изобилии тёмную густую пену; последнюю мы тщательно сбрасывали; — но она, впрочем, налипала слоем и на стенках чайника.

Неприятный горьковатый привкус конины и супа мы смягчали маленькими дозами сохранившегося у нас мясного экстракта и уксусной эссенции. Так мы обедала ежедневно.

Вечером таким же точно способом приготавливался ужин. В промежутках между «завтраком», «обедом» и «ужином» мы истребляли варёное конское мясо в холодном виде. Между прочим, надо заметить, что из всех видов приготовления конины, — нам нравилось именно это холодное варёное мясо, — которое мы постепенно привыкли есть совсем без соли.

В общем, мясо от наших павших лошадей мы истребляли в большом количестве, — но чувствовали некоторое насыщение лишь во время самой еды: после неё снова хотелось есть. Но как бы много не ели конины, силы наши с каждым днём всё больше и больше убывали. Развилась во всём организме какая-то слабость, и энергия настолько упала, что приходилось задумываться над тем, как подняться и подложить в костёр дрова, или пойти немного прогуляться. В том и другом случае я лично сразу испытывал усталость и тяжесть в ногах, упадок сил; наконец, при быстрых движениях появлялось головокружение.

Опасаясь этого прогрессирующего упадка энергии и сил, я старался насиловать себя и предпринимал прогулки по озеру, но и после такого моциона состояние духа и всего организма не изменялось к лучшему.

Кстати сказать, продолжительные прогулки были невозможны для нас, и по неимению тёплой одежды. Очень страдали у нас от холода ноги, ввиду того, что я остался в сапогах с дырявыми носками, а Хр. А. Цируль в таких же «сарах»¹. Оба мы были без рукавиц. Ходить в такой одежде куда-либо далеко, или делать что-нибудь, например, заготавливать дрова, мы могли с большим трудом.

Пытались мы читать что-нибудь и писать, по мысли наши никак нельзя было отвлечь от переживаемого нами тяжёлого положения. Думы, одна другой мрачней, словно сверлили мозг и становились всё навязчивей.

Так коротали мы день за днём. Собственно, день кончался у нас часов в 6-7. В это время становилось совершенно темно. Всё спасение наше мы находили у костра. Около него мы все трое сплывались и вели наши мрачные беседы. Но в темноте, окутывавшей нас, становилось как-то особенно тоскливо, тяжело, а особенно — когда дул обычный холодный северный ветер. Обогрвшись у костра, мы решались, наконец, водвориться в нашу палатку; казак спал у костра. Палатка эта, словно могила,

¹ Обувь из выделанной конской кожи.

была холодна и неприветлива. Пытались обставить её кедровником и засыпать снегом, но несмотря на всё это, ветер свободно разгуливал внутри её. Я очень часто приходил в ужас от одной мысли, что можно заболеть здесь, живя и располагаясь на снегу, — и тогда, конечно, не могло быть никакого спасения.

Единственно, когда было и тепло, и когда мы всё же забывались, засыпая — это когда водворялись рядом под нашими одеялами и шубёнками, согревая друг друга теплотой нашего тела. Было действительно тепло и безопасно в отношении простуды. В противном случае, т.е. если бы мы располагались порознь, каждый под свою одежду, то простуда едва ли могла бы миновать нас.

Так проводили мы день за днём, со времени ухода наших якутов. Миновали уже 6-й, 7-й день, а ожидаемой помощи мы не получали. Однако, все мы были уверены, что якуты дошли до намеченной цели, так как иначе, согласно условию, должны были уже вернуться. — но, тем не менее, не чужды были опасений, что якуты могли заблудиться, погибнуть с голоду и что поэтому нам надо на что-то решиться, подготовить себя заблаговременно и к этому ужасному исходу.

Первою нашей и ближайшею угрозой был холод. До первых чисел октября, к счастью нашему, больших морозов не было, — но и они должны были наступить, почему нами и решено было как-нибудь хотя бы обуться и затеплить руки.

Засим, последний план наш, — план полного отчаяния, осуществление которого мы могли предпочесть лишь гибели на месте, заключался в следующем: принявшись за шитьё обуви, мы должны были числа 8 октября отправить Семёна Берёзкина справиться о лошадях (двух), оставшихся ещё живыми, с тем, что, если, паче чаяния, хотя одна лошадь окажется в живых, то он приведёт её. На это потребовалось бы дня 2-4. За это время мы всё же ждали бы со дня на день помощи. Если бы ожидания наши не оправдались, то нам ничего другого не оставалось, как взять с собою, сколько мы могли, конского мяса, кой-что из тёплых постельных вещей, приспособить всё это в котомки и на лыжах попытаться пройти в Гижигу. Лыжи должен был заготовить для нас Семён Берёзкин, когда пойдёт к лошадям.

Я уже заметил выше, что этот план — план полного отчаяния. В возможность успеха его я лично совершенно не верил. Куда, в сущности,

могли дойти мы — люди, не имеющие представления о лыжах, не вооружённые тёплой одеждой и, к тому же, измученные нравственно и физически? Конечно, крайность заставила бы решиться на всё, и я готов был предпочесть смерть на ходу — гибели на месте.

Я готов был приступить к подготовительным действиям, но внутренне был уверен, что Бог поможет нам и что мы будем спасены.

5 октября мы принялись за работу. Я решил сшить себе из старой, брошенной якутами, медвежины «куллуйки» (нечто вроде чулок), а из конской сумы — торбаза. Хр. А. Цируль остановился на мысли подшить свои сапоги подошвами из медвежьих лап, которые он обрезал у медвежины. 5-го мы скроили, а 6-го я сшил один «куллуёк», причём, за отсутствием иглы, таковую Хр. А. Цируль смастерил сначала из дерева, а затем из кости.

Ужасно тяжело было приниматься за эту работу — в сознании для чего именно, на какой крайний случай она предназначается. 7-го я предполагал с утра продолжать своё шитьё, но, к счастью, не пришлось.

7 октября, проснувшись рано утром, я слышал, что Семён Берёзкин возился что-то у костра, подал нам в палатку варёного конского мяса, а затем отправился к трупам лошадей за мясом. Мы, лёжа в постели, начали нашу беседу.

Во время разговоров я услышал лай собаки. Я встревожился, приподнялся и выглянул в дверь палатки. Тут произошло что-то невероятное: я думал, что вижу сон, что это кошмар какой-то; я увидел подъезжавшие к нам очень быстро одна за другою собачьи нарты. Я вскрикнул, схватил Хр. Цируля за руку, и тут нервы мои не выдержали. Я видел, что мы спасены и от охватившего меня волнения и счастья не знал, что делать; я не мог даже одеться.

В это время каюры с первых парт были уже у нашей палатки, они бросились к нам с радостными, сияющими лицами, разглядывали нас, пожимали нам руки. Оказалось, что этими спасителями нашими были не гижигинские жители, как мы ожидали, а коряки, не знающие по-русски. Потом, в разговор, выяснилось, что они радовались и были также счастливы тому, что нашли нас живыми, предполагая на пути к нам, что мы могли и погибнуть.

Примчался к нам вместе с коряками и один из главных наших спасителей — якут Гаврила Слепцов. Он бросился к нам, пожимал нам руки, высказывал о своём счастье, что все мы свиделись живыми.

Наскоро одевшись, мы вышли из палатки и были поражены происшедшею переменою. Вчера ещё пустыня, окружавшая нашу палатку, стала неузнаваемою: оказалось, что к нам примчалось девять парт; девять молодцов-коряков, во главе с нашим героем Гаврилою, суетились над костром Последний моментально запылал, явилось у костра пять-шесть чайников. Наши спасители наперерыв выкладывали привезённые нам гостинцы: чай, сахар, рыбу, юколу, нерпичий жир, оленину, соль и прочее; другие суетились, раскупоривая привезённую тёплую одежду. Трудно передать, сколько участия, сколько радушия было проявлено этими дикарями-язычниками. Они все следили за нами с напряжённым вниманием и словно на лету подхватывали наши желания. Один из них, староста Миликко, оказался знающим по-русски и явился как переводчиком, так и распорядителем.

Расположившись в кругу этих милых, сердечных людей, мы прежде всего набросились на пищу. Никогда в жизни мне не казался таким вкусным чай и сахар, как 7-го октября. Мы с таким нетерпением принялись за чай, что даже обожгли себе рты. Затем сварили рыбу и поджарили Оленину на нерпичьем жиру. Всё это оказалось превкусно. Боялись мы только, что можем объесться. Очень наскучились мы на всём жирном, да и желудки наши, после 20 дневного питания исключительно павшею кониною, требовали чего-либо жирного.

Напитавшись, одевшись в тёплую одежду, а, главное, в сознании, что мы спасены, что мы немедленно же покинем эту пустыню, казавшуюся нам могилою, мы чувствовали себя положительно переродившимися. Точно гора свалилась с плеч. Мы сразу стали живыми людьми; силы, покинувшие нас, дружно нахлынули. Мы считали, что в этот день мы, без сомнения, самые счастливые люди на свете. Трудно, впрочем, человеку, не бывавшему в нашем положении, понять то, что пережили мы в день нашего спасения — 7-го октября.

Другой наш спаситель — Михаил Слепцов, как сообщил Гаврила, прокатил с тремя нартами в Гижигу, чтобы доставить посланный мною пакет начальнику уезда, сообщить, что помощь коряками нам уже оказана и просить о подготовке квартиры.

7 октября, посоветовавшись с коряками, мы решили продневать, чтобы дать отдых собакам. К вечеру к нам подкатили ещё шесть корякских нарт. Каюры оказались всё теми же бесконечно предупредительными и заботливыми о нас людьми. Привезли нам и пищу, и одежду, — по-видимому, всё, что только могли достать в селении.

И так, в распоряжении нашем оказалось 15 нарт, да три нарты прошли в Гижигу. Всего, таким образом, выставили для нас коряки 18 нарт, вместо просимых якутами 5-ти, доказав не на словах только, но и на деле, высшую свою отзывчивость и сердечное участие к нашему опасному положению. Такое отношение коряков тронуло нас до глубины души.

Почитаю своим долгом засвидетельствовать, что, — как удалось мне уяснить себе, за время пребывания в Гижиге, — описанное отношение к нашему несчастью коряков явилось полным отражением отличных порядков, установленных администрацией Гижинского уезда.

Счастливы заверить об этом, а также и о том, что в Гижигинском уезде, несмотря на полную его оторванность и изолированность от административных и культурных центров, — каждый путник всегда встретит искреннее участие, а, если понадобится, то и могучую поддержку.

По сообщениям наших спасителей-якутов и коряков, спасены мы были от грозившей нам гибели, следующим образом: отправившись от места нашего разгрома пургой в направлении юго-западном, Михаил и Гавриил Слепцовы попали, перевалив ближайшие высокие увалы, в вершину речки и предположив, судя по первоначальному направлению её, что это именно исток р. Гижиги, пошли по нему; шли большею частью по льду, так как речка уже замёрзла. Однако, вскоре же, на третий-четвёртый день, якуты начали всё больше и больше убеждаться в том, что идут они не по реке Гижиге, а по притоку реки Парень. Этот приток постепенно изменил своё первоначальное направление на южное, юго-восточное и, наконец, на восточное.

Шли якуты целыми днями, делая днём лишь одну небольшую остановку. Котомки их оказались всё же крайне обременительными и потому в первые же дни они вынуждены были бросить часть одежды. На пятый день этого утомительного перехода взятое с собою конское мясо якуты уже прикончили и потому первую угрозой их впереди стал голод.

Тут якуты остановились было на мысли вернуться к нам, не забыли, конечно, и данного мне по этому поводу обещания, — но, оказалось, лишены были возможности привести своё намерение в исполнение, ввиду истощения запаса мяса, а особенно — в виду поломки лыж, возобновить которые, за неимением подходящего леса, якуты были не в состоянии.

Оказавшись в таком тяжёлом положении, Михаил и Гавриил приняли к исполнению единственно возможный и чрезвычайно рискованный план. Они решили продолжать свой путь дальше — по льду р. Парень, в надежде выйти на коряков, которые, по рассказам упомянутого выше чукчи, должны были находиться где-то, или на этой реке, или вблизи её.

Измученные и голодные шли якуты по реке Парень, под угрозой встречи с медведями. Оказалось, что медведи, также, как и мы, были застигнуты врасплох необыкновенно рано наступившею зимой, не успели залечь в берлоги и бродили по реке, подбирая оставшуюся на берегах дохлую рыбу. Якуты рассказывали, что на пятый день после ухода от нас, им пришлось идти буквально по тропе, проложенной медведями. К счастью, следы эти вышли от реки в сторону, а пройдя от этого поворота дальше всего лишь 5-6 сажений, якуты нашли на берегу рыбину (кета). Эта находка поддержала упавший было дух якутов, так как они имели пищи уже на два дня.

Первого октября неутомимые якуты продолжали свой путь. День этот оказался началом нашего спасения. Днём якуты заметили пересёкший реку совершенно свежий след лисицы, а за ним — следы двух собак. Опытные промышленники, якуты сразу решили, что здесь ведётся охота на лисицу и что должен быть поблизости охотник. Дабы обнаружить его, якуты стали кричать, и, к счастью, тотчас же услышали раздавшийся в ближайшем леску спасительный ответный голос: то был голос ламута. Последний вышел к якутам; из объяснений их понял, по-видимому, в чём дело и повёл якутов в свою урасу, которая оказалась в стороне от реки — всего лишь в нескольких верстах.

В ламутской урасе якуты были накормлены, купили кое-что из одежды и, переночевав, были доставлены на оленях в корякское селение, расположенное на реке Тильхиной, к востоку от реки Парень, верстах в 20-ти от стоянки ламута. Ламут уяснил себе из объяснений якутов и наше опасное положение, но, располагая небольшим количеством

олений, не мог сам прийти к нам на помощь, а посоветовал обратиться за таковою к своим соседям — корякам. Насколько оказались отзывчивы и внимательны к нам коряки, я уже отметил выше.

Так счастливо были спасены все мы. Не случись на пути наших отважных якутов следов лисицы и собак, якуты прошли бы дальше по р. Парень, — вышли бы, если бы хватило сил, на устье её — на Пенжинскую губу и здесь, наверное, погибли бы с голоду, так как коряки, как я упомянул, живут на другой реке и, по их же словам ни на реке Парень, ни на устье её якуты никого не могли бы найти. С гибелью же якутов наших была бы, несомненно, тесно связана и гибель всех нас.

От места крушения нашего до корякского селения по пройденному якутами пути, как заявили коряки, — вёрст до 200. Расстояние это пройдено нашими самоотверженными и неутомимыми якутами на лыжах и без них в пять дней.

Из беседы с коряками выяснилось, что мы потерпели крушение всего лишь в 100 приблизительно верстах от Гижиги, и что на собаках можно доехать до Гижиги в один день. Те же коряки, среди которых были люди и пожилые, сообщили нам, что настоящий год по своим ранним снегам — год небывалый. Они не помнят, чтобы когда-нибудь так рано устанавливалась зима; то же самое подтвердили впоследствии и гижигинцы. Оказалось, что глубокий снег выпадает там обычно к концу октября. Итак, потерпеть нам пришлось в совершенно исключительный год. Хотя, впрочем, ранние в настоящем году снега, насколько я знаю, оказались явлением общим.

Выехав с отныне памятного нам места нашего крушения 8 октября, мы направились увалами и тундрой в направлении южном и юго-западном. Местность здесь оказалась чисто тундренного характера, поросшая кое-где кедровником. Но и он растёт настолько редко, что, подъезжая вечером к поварне, коряки ещё дорогою собирали на свои нарты кое-какие дрова.

Назавтра верстах в 50 от Гижиги у реки Мальмовки мы встретили мчавшегося к нам на встречу помощника уездного начальника И.С. Бякова. Он был послан Начальником уезда М.С. Поповым, тотчас же по получении в Гижиге через Михаила Слепцова известия о нашем положении, хотя последний и доложил господину Начальнику, что помощь нам коряками уже оказана. И.С. Бяков выехал на пяти нартах с провизией и

тёплой одеждою, причём настолько спешил, что ехал ночью и в пути поморозил себе ногу.

Вообще Гижигинская администрация отнеслась к нам в высшей степени участливо и заботливо. Как в момент прибытия экспедиции в Гижигу, так и за всё время пребывания нашего там, мы были окружены постоянными заботами о нас г. Начальника М.С. Попова и его помощника И.С. Бякова. То же внимание и заботливость были оказаны нам доверенным И.Е. Шустова С.Ф. Гуляевым. Выехав из Гижиги с чувством глубочайшей сердечной признательности, я выражаю ту же признательность М.С. Попову, И.С. Бякову, С.Ф. Гуляеву и в настоящем собрании.

9-го октября в ясный солнечный день мы въезжали в Гижигу. Необыкновенно приятен был этот момент. Чувствовалось, что вместе с ним заканчивается наш долгий, утомительный путь, заканчиваются все наши невзгоды и лишения, а главное — приятно было сознание исполненного перед родиною долга; я был счастлив, что мечты мои пробиться на Гижигу, наконец, осуществились.

Местечко Гижига расположено на левом возвышенном берегу реки того же имени, верстах в 25 от моря. В селении насчитывается около 500 человек. Верстах в 20-ти от Гижиги, вниз по реке, находится урочище «Кушка», на котором расположены казённые склады, — там же постоянно проживает Начальник уезда. «Кушка» — пристань, на которой паровые катера выгружают грузы, доставляемые пароходами. Окрестности, как Гижиги, так и «Кушки», совершенно лишены какой бы то ни было растительности, и открыты на громадное расстояние, сливаясь с приморскою тундрою. Даже берега реки Гижиги вниз от селений совершенно безлесны.

Всех жителей в Гижигинском уезде (по обзору за 1910 г.) насчитывалось 6107 человек; преобладают коряки, численность коих определяется в 3610 человек, т.е. больше половины всего населения. Затем следуют тунгусы — 1441 чел. и чукчи — в числе 507 ч. Русских насчитывается всего лишь 547 чел. Из числа 6107 православных жителей насчитывается только 2537 чел.; остальные язычники.

Климатические условия края крайне неблагоприятны. Господствуют северные ветры, отличающиеся особенно в зимние месяцы высоким напряжением и продолжительностью. Постоянно свирепствует также

пурга. Местные жители всё время живут под угрозой пурги, которая особенно часто повторяется в ноябре-декабре месяцах. Гижигинский житель, отправляясь куда-либо на день, всегда запасается провизией на неделю. Нередки, рассказывали мне в Гижиге, случаи, когда в самом селении приходится блудить во время пурги. Вообще Гижига является типичным северным местечком.

Главным занятием жителей является рыболовство и морской промысел на тюленей (нерп). То и другое добывается в большом количестве. Так, например, рыбы добыто в 1910 г. 543,620 штук, нерп — 768, а ларг и акибей¹ — 525 шт.

Земледелие по климатическим и почвенным условиям признаётся невозможным. Огородничеством занимаются в Гижиге и её окрестностях.

Иностранческое население располагает богатейшим оленеводством. Оленей в уезде насчитывалось в 1910 года до 78,000 голов. Особенно громадны стада коряков, проживающих на Тайгоносском полуострове — между губою Гижигинской и губою Пенжинской.

Все продукты оленеводства в Гижиге очень дешёвы. Так, например, олень убивается на мясо по 4-5 рублей, причём покупатель кроме мяса получает шкуру, камусы и прочее.

Главным средством передвижения в уезде являются собаки. Их насчитывается в уезде свыше 200 «потягов»².

На собаках совершаются переезды, на них же перевозятся и грузы. Гижигинские собаки отличаются своею силою, выносливостью и быстротой хода. Хороший потяг собак всегда составляет гордость хозяина-каюра.

Гижигинские жители признаются вообще мало предприимчивыми и несмотря на богатство рыбных и других промыслов, порою голодают, обращаясь за помощью к казне. Характерен очень следующий пример, иллюстрирующий отсутствие у гижигинцев предприимчивости. На побережье Гижигинской губы во множестве водится морская птица, называемая по-местному «багула» — совершенно тождественная с известной своим пухом гагой. Багулу добывают сотнями и вместо того, чтобы использовать с неё дорогой пух, некоторые гижигинцы обжигают всё

¹ «Ларга» и «акиб» — младшие возрасты морского тюленя (нерпы).

² «Потяг» — 12-14 собак, запрягаемых в одну нарту.

оперение с пухом в огне и мясом кормят собак. Один гижигинец рассказывал мне как он обжог 516 шт. на корм собакам. Образец этого прекрасного пуха я захватил с собою для музея.

Переходя затем к обследованному экспедицией пути, я считаю необходимым доложить, что пройдено при изысканиях до 1018 вёрст, — но я наметил целый ряд сокращений пути, за каковыми сокращениями, протяжение его в действительности определяется лишь около девяти-сот вёрст.

Главное преимущество этого пути, по сравнению со всеми остальными существующими Колымскими путями, заключается в том, что он является путём исключительно сухопутным и потому может быть доступен каждому. Каждый житель Колымска, каждый якут в любое время может отправиться во этому пути на Гижигу, тогда как ни один из других путей этого удобства представить не может. Ольско-Колымский путь существует очень давно, а, однако, население округа, за ничтожными исключениями, не имеет о нём никакого понятия, и все выгоды подряда по доставке грузов уходят в руки совершенно посторонних людей.

В этом отношении Гижигинский путь мог бы доставить населению, хотя бы Колымскому улусу, двойную выгоду: кроме получения дешёвых продуктов, улус мог бы получить громадную поддержку, вступив в подряд по перевозке грузов.

Намеченный мною Гижигинский путь допускает полную возможность сделать за зиму на Гижигу два оборота и третий оборот — летом; при этом груз, доставленный пароходом из Владивостока на Гижигу, может быть в ближайшие же зимние месяцы и даже летом доставлен в Колымск. Между тем, для получения тех же грузов по Ольскому пути приходится использовать навигации двух лет: в одну навигацию грузы доставляются на Олу и только в навигацию следующего года можно сплавить их по р. Колыме. Затем, в случае каких-либо затруднений с доставкой грузов другими путями, из Гижиги всегда возможна доставка форсированная. Наконец, Гижига приобретёт, несомненно, ещё более важное значение, с устройством там телеграфа (станция беспроволочного телеграфа уже строится), — а нахождение там уездного управления всегда поможет разрешить какие бы то ни было затруднения по доставке грузов.

Провозную плату по расстоянию 900 вёрст следовало бы проектировать сообразно с ценами, платившимся прежде на «Чукотской дороге», т.е. не свыше 2 руб. с пуда, каковая плата является максимальной при таком расстоянии и на других путях, например, Верхоянском, — но я, имея ввиду прецедент с Ольским путём, на котором за волок уплачивается 3 рубля с пуда, нахожу, что эта же цена могла бы быть установлена, как наивысшая, и на новом гижигинском пути, — т.е. могла бы быть почти вдвое дешевле цены, какая уплачивалась при доставке из Якутска.

Успех Гижигинского пути должен быть поставлен всецело в зависимость от отношения к интересам Колымского края пароходов добровольного флота. В настоящее время даже население Гижигинского уезда положительно не уверено в аккуратной доставке и выгрузке грузов. Последние произвольно выгружаются то в Гижиге, то в соседних бухтах; называют, например, случай, когда грузы одного владельца, доставленные с одним рейсом, были выгружены в трёх пунктах. При таких порядках, конечно, правильное функционирование пути немыслимо.

Во-вторых, одним из главных средств обеспечения доставки грузов по Гижигинскому пути могло бы быть образование в Гижиге постоянного запаса припасов казённого заготовления на случай неисправной морской доставки. При соблюдении хотя бы только этих двух условий, доставку грузов по Гижигинскому пути можно бы считать безусловно обеспеченной.

Насколько мне удалось лично наблюдать и в Средне-Колымске, и в Гижиге, колымчане и гижигинцы обоюдно интересуются устройством пути и установлением постоянных между ними сообщений. Представляя себе вообще доступность пути для каждого отдельного лица, или для небольшой группы лиц, то и другое население видит полную возможность взаимобмена. Так, например, колымчане-скотоводы могли бы иметь громадные выгоды от сбыта продуктов скотоводства, которые в Гижиге, ввиду почти совершенного отсутствия скота, весьма дороги¹; точно также и гижигинцы получили бы выгоды от сбыта, например, колымчанам продуктов оленеводства. Для колымчан, наконец, открылся бы новый пункт для сбыта пушнины и обмена её в Гижиге на дешёвый товар.

¹ Скотское мясо продаётся в Гижиге по 10-12 руб. за пуд.

В общем, заинтересованность эта настолько ясно выражается, что гижигинские торговые люди намерены в ближайшем будущем отправиться в Колымск по новому пути.

Что касается устройства нового Гижигинского пути, — то я лично полагал бы на первых порах ограничиться устройством хотя бы двухаршинной просеки — расчистки и дорожных поварен. Затрата на всё это потребовалась бы очень скромная — около 5000 р. Кроме того необходимо было бы устроить на пути, в указанных мною выше, намеченных для поселений местах, опорные пункты (на первое время хотя бы 2-3), — для чего надлежало бы ассигновать небольшие средства, для субсидирования желающих переселиться инородцев. За таковыми же, я уверен, дело не станет

Наконец, говоря об устройстве Гижигинского пути, я не могу не высказать в заключение ещё одну робкую мысль. В случае устройства на р. Колыме парохода, таковой мог бы сплавать грузы по р. Омолону, причём пункт сплава на этой реке отстоит от Гижиги всего лишь на расстоянии 300-320 вёрст. В этом пункте сплава р. Омолон безусловно доступна для парохода даже в осеннее время; дальше вниз она направляется уже по равнине, принимая несколько притоков и, без сомнения, также судоходна. Но для окончательного разрешения этого вопроса надлежало бы совершить пробный сплав по этой реке, хотя бы в лодке, и изучить её,

Таково в общих чертах мнение моё о значении пройденного Гижигинского пути, который, по глубокому моему убеждению, может с громадною пользою для населения и казны послужить назревшим нуждам далёкого Колымского края.

Но последние дни подготовили совершенно неожиданно новую эру жизни Колымской окраины — ту лучшую пору, о которой изверившиеся во всём колымчане не смели и мечтать. Эти именно последние дни принесли с низовья Колымы известие о событии мирового значения. Оказалось, что морское сообщение из Владивостока к устью Колымы через Берингов пролив отныне отнюдь не робкая мечта, а факт совершившийся. Пароход Добровольного флота «Колыма», снаряжённый Министерством Торговли и Промышленности и сопровождаемый военными транспортом «Таймыр» и «Вайгач», выйдя из Владивостока 16-го июля, благополучно достиг устья р. Колымы 12 августа. На пароходе

этом доставлено и выгружено на устье реки 2,000 пудов груза казённого и 255 пуд купеческого. Кроме того, местным торговцем куплено с парохода разных товаров на 5-6 тысяч рублей. Для перевозки вверх по реке Колыме этих грузов, а также грузов будущих доставлен паровой катер. К сожалению, благодаря неудаче с этим катером, он не мог ныне же доставить грузы в Средне-Колымск, — но в следующем году затруднение это будет, несомненно, устранено. Пароход «Колыма», сдав грузы, 19 августа расстался с повстречавшими его колымчанами и затем благополучно прибыл во Владивосток.

Благодетельнейшее значение для Колымского края морских рейсов скажется на росте экономической жизни его немедленно же. Уже теперь сообщают из Колымска, что, с фрахтом по доставке грузов из Владивостока на устье Колымы, устанавливаются такие, например, цены: мука пшеничная — 2 р., соль — 37 коп., кирпичный чай — 35 коп., керосин — 1 р. 10 коп., кулёк крупчатки (1½ п.) — 2 р., и т.д. Цены эти должны повыситься ещё на один рубль с пуда за сплав грузов по р. Колыме.

Колымчане, наконец, уверовали в возможность коренного улучшения их жизни, и я вполне понимаю тот подъём духа, тот дружный восторг, ту глубочайшую признательность, какие они выразили, через управляющего округом, г-ну Губернатору И.И. Крафту за постоянные заботы Его Превосходительства об их благе.

Открытие этого нового пути действительно способно и может принести краю неисчислимую пользу. Ввоз дешёвых припасов, товаров, промысловых материалов и оружия и вывоз пушнины, прекраснейших продуктов рыболовства (например, консервированной рыбы, осетровой икры и прочего), — немедленно же поднимет всякого рода промыслы, разовьёт предприимчивость, вызовет энергию и пробудит колымчан от их вековой спячки. Одним словом, путь этот может произвести полнейший переворот в жизни далёкой окраины.

С открытием морского сообщения к устью Колымы, конечно, затухают, остаются в тени все остальные пути сообщения Колымского края. Они получают уже второстепенное, так сказать, резервное значение. В ряду их, мне кажется, должен занять место и новый Гижигинский путь. Он, во-первых, понадобится для обеспечения предполагаемого телеграфа; во-вторых, в случае каких-либо затруднений с морскими рей-

сами, этот путь скорее и успешнее других путей может прийти на помощь и, в-третьих, как выше указано, путём этим и при наличии морского сообщения, могут с успехом пользоваться колымчане в их сношениях с Гижигой.

Ввиду этого, я, как колымчанин, выражаю мою глубокую уверенность в том, что путь этот не будет забыт, а будет устроен, хотя бы на тех скромных началах, какие я указал. Думаю я кроме того, что и в широких задачах государственных всякий путь в наших пустынных краях никогда не лишней. Поэтому, да будет новый Гижигинский путь ещё одним, хотя и слабым, хотя и не важным, но всё же необходимым нервом в организме нашего Великого Государства.

OCR Андрей Дуглас, 2023.

«Дорогому Семёну Федоровичу Березкину — участнику похода на Гижигу, на память о проведенных совместно днях радости и печали, от преданного Н.Березкина. 5 февраля 1912 г., г. Якутск.»

На снимке Николай Михайлович Берёзкин сидит справа.